

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА «СМЕРТЬ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ ПОДХОДАХ

Н.М. Кологривова

Аспирант кафедры практической и клинической психологии
ФПСР ОНУ имени И.И. Мечникова

Научный руководитель: к. психол.н., доцент **Л.С. Смокова**

Актуальность темы исследования, помимо классического обоснования, продиктована современными глобальными изменениями социокультурной реальности. В этой связи проблема смерти - это поиск базисных оснований человеческого существования. Это одна из не многих, а может быть и единственная еще не ускользнувшая возможность идентификации с подлинно человеческим.

Основное затруднение, связанное с концептуализацией феномена смерти, заключается в его особой расположенности, которую можно охарактеризовать как «болезненную» или экзистенциально значимую для любого существования [2, 6]. Этот факт требует привлечения и интеграции различных подходов, задачей которых оказывается преодоление отчуждения феномена смерти и восприятие его в качестве

ресурса философской концептуализации.

Феномен смерти в философии не возможен без акта философской рефлексии. В свою очередь сама рефлексия имеет своим крайним пределом открытие смерти [2]. Таким образом, для философского знания анализируемый предмет представляется необходимым. Следовательно, интерес к смерти со стороны философии есть результат ее потребности распространить свою всеобщность на такую всеобщую проблему, которой является проблема смерти.

В настоящее время восприятие феномена смерти в высокой степени детерминировано социальностью и ее артефактами: научно-техническими проектами, политическими стратегиями и экономическим моделированием. Особое значение в этой связи приобретает проблема биотехнологий - методик продления жизни, представляющая трансформацию идеи бессмертия, а также комплекс вопросов биоэтического характера, в центре которых фокусируется феномен смерти.

Данное исследование акцентирует свое внимание на соотношении аксиологического и онтологического подходов к феномену смерти, который в конечном итоге диктует совмещение уровней этики и онтологии. Данное заключение вызвано рассмотрением феномена смерти в контексте коммуникации Я и Другого. Значимость такого контекста объясняется тем, что в современной философской антропологии отмечается стойкая тенденция квалифицировать проблему смерти как маргинальную. Ввиду того, что маргинальное указывает на нарушение коммуникативных связей, представляя вытесненное, мы приходим к такому пониманию, при котором феномен смерти требует помещения в контекст интересубъективности.

Предложенный Ф. Арьесом вариант восприятия смерти: либо не замечать, либо «примирить» смерть со счастьем охватывающий основные традиционные к ней подходы во многом базируется на проблеме коммуникативности и указывает на необходимость восстановления коммуникативного диалога в анализе феномена смерти и умирания [1, 6]. В этом смысле «не замечать» смерть означает не воспринимать ее должным образом, то есть указывает на отсутствие интересубъективной основы, позволяющей редуцировать смерть к проблеме интегративного понимания. Игнорирование смерти с неизбежностью приводит к маргинализации данного феномена. Примирение ее с эвдемонией возможно лишь при экспликации смерти в пространстве коммуникативных связей.

Научная разработанность проблемы широко представлена на двух уровнях исследования: культурологическом и философском [2, 6].

В силу того, что смерть феноменально являет себя в качестве мертвого тела, она подвергается многообразию культурной символизации. Прежде всего это отражено в классических работах Э. Тайлора, Д. Фрезера и др.. Особое внимание заслуживает концепция К.Г. Юнга как альтернативный подход к классическому анализу символической атрибутивности смерти. В культурологическом аспекте исследования проблемы привлекают внимание этнология Ж. Монтандона, историко-культурологический анализ К. Клемена, гистология и физиология К. Биша. Из современного отечественного танатологического и тафалогического знания весьма актуальными представляются работы С. Рязанцева, Ю. Смирнова, С. Токарева.

На философском уровне феномен смерти представлен двумя фундаментальными возможностями концептуализации: смерть как смыслополагание (Гегель - Ницше - Хайдеггер) и смерть как негация смысла (Ясперс - Камю - Сартр).

В рамках архетипов классической и неклассической философии выделяются основные подходы концептуализации смерти: рационалистический, диалектический, экзистенциалистский, психоаналитический, деконструктивистский, постмодернистский [6].

История научной разработанности проблемы смерти начинается с выделения моделей практик умирания. Речь идет о трех подобных историко-философских моделях: античности, средних веков, Возрождения. Античная философия снимает проблему смерти через отождествление бытия и мышления и как следствие невозможности репрезентировать небытие; средневековая философия - посредством акта трансцендирования; философия Возрождения - с помощью соотнесения мыслящего Я с телесностью и последующей эстетизацией смерти как актуализации предельной возможности телесного [6]. Таким образом, понимание феномена смерти трансформируется в теоретически нагруженную стратегию устремления существования к своему завершению.

В неклассическом архетипе философии экзистенциально фундаментальными вариантами концептуализации феномена смерти выступают онтологии М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, и Э. Левинаса.

Особое влияние на разработку данной предметной области оказал экзистенциальный набросок смерти Хайдеггера [5], который отказывается понимать смерть как метафизический или биологический феномен, переводя его в бытийственное вопрошание. Субъективность по Хайдеггеру в отличие от классической философии определяется не самосознанием, а сознанием смертности. Следовательно, способность к смерти или бытие-к-смерти — критерий подлинности существования

человека, нечто уникально собственное, всегда «мое». Вопрос о смерти в этой связи представляется открытием прояснения подлинной экзистенциальной ситуации существования. Однако формируя позитивный опыт мышления смерти, Хайдеггер тем самым спровоцировал и противоположные концепции. Речь идет о смерти как обезличивающем у А. Камю и у Ж. П. Сартра [4], согласно которым смерть теряет статус подлинности, лишая всякого смысла и оборачивая в абсолютное, обезличенное ничтожествование.

Важным содержанием неклассической философии является дискурс психоанализа, с его объективацией смерти до субстанциальной силы. В границах психоанализа сформировались две парадигмальности, по-разному концептуализирующие смерть: разработанная З. Фрейдом основа и ее воплощения Э. Фроммом, Г. Маркузе, Ж. Лаканом, для которой предмет исследования составляет индивидуальное бессознательное; и юнгианская традиция восприятия смерти в контексте коллективного бессознательного, находящая понимание в трансперсональных исследованиях, подобных опыту С. Грофа [3].

Согласно Хайдеггеру, человеческое бытие заброшено в контекст смерти, и она открывается перед ним возможностью поворота к своей подлинности. «Только человек способный умереть может быть подлинным». Данный тезис в равной мере удовлетворяет онтологии Хайдеггера и современной философской антропологии, заявляющей, что в условиях «обискусствливания» тела (тело-симборг, тело-киборг) смерть выступает, чуть ли не единственно оставшейся естественной сущностной характеристикой человека [5].

Сартр отказывается от хайдеггеровского понимания смерти как условия раскрытия собственной подлинности. Смерть для него фактична, приходит извне и преобразует во внешнее. По Сартру пересечение жизненного мира и пространства смерти происходит уже в том, что жизнь ушедшего продолжает жить в памяти Другого. Жизнь ушедшего не просто удерживается Другим, она изменяется, будучи уже сделанной. Умершая жизнь не способна к преобразованиям изнутри, но ее смыслы продолжают структурироваться из вне [4]. Таким образом, смерть - это то, что имеет смысл для Другого, но не имеет для существования. В этой ситуации мы никогда не воспользуемся собственной смертью («моя смерть» - абсурд и негация), но будем владеть смертью Другого. Оказывается понятным тогда, почему Сартр говорит о смерти как о том, что обезличивает и лишает «собственности». Однако, умирая, мы даем возможность узнать ее другим, т. е. смерть становится чем-то настоящим только для Другого, следовательно, если смерть отнимает всякое значение у существования, то еще не сообщает об автоматической

экстраполяции такой ситуации на Другого.

В экзистенциальном подходе вопрос «как необходимо умереть?» становится очень важным. И здесь мы сталкиваемся с двумя прочтениями этого вопроса: онтологическим и этическим. Онтологический аспект ищет безотносительную возможность подлинной смерти, имеющую основания в самой себе и невыразимую через иную категориальность. Этический вариант выходит на уровень соприкосновения умираний, на отношение с Другим, исследует социальный контекст смерти. Однако данные подходы, безусловно, не являются принципиально отличными, а скорее предполагают друг друга. Их объединяет понимание смерти как нечто, с чем существование срослось еще до своего появления. Экзистенциальный подход стремится научить «правильно ощущать» собственную смерть, предложить свой алгоритм прислушивания к своему постепенному умиранию.